

3. Дуткина Г. Мистификация длиною в жизнь. Предисловие к книге Эдогава Рампо. Демоны луны / Г. Дуткина: [электронный ресурс] электронная библиотека e-reading – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1020876/Rampo_-_Demony_luny.html
4. Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. / Ю. М. Лотман – Таллинн, 1992. – С. 203–216.
5. Мусий В. Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма: монография / В. Б. Мусий. – Одесса: Астропринт, 2006. – 432 с.
6. Репина Л. П. Диалог культур в контексте истории и в историческом познании / Л. П. Репина // Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 559 с.
7. Руднев В. Культура и сон / В. Руднев. – Даугава, 1990. – № 3. – С. 121–124.
8. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.

Анна Косенкова

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЮБОВНОГО ЗАГОВОРА В КНИГЕ СТИХОВ И. БРОДСКОГО «НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ»

Актуальность заявленной темы связана с тем, что ситуация изученности лирики И. Бродского представляется неоднозначной. Несомненно, накоплен обширнейший исследовательский багаж в осмыслении и интерпретации текстов И. Бродского. И все же бродсковедение содержит достаточно лакун. Одной из таких лакун является осмысление авторских стратегий в книге стихов поэта «Новые стансы к Августе».

В современном бродсковедении в той или иной мере затронуты различные аспекты, связанные с анализом или же интерпретацией «Новых стансов к Августе», что проявилось в работах ведущих исследователей творчества поэта: В. Полухиной [4], Л. Лосева [3], Б. Янгфельдта [12] А. Ранчина [6], Д. Чернявской [11].

Цель статьи проследить принципы трансформации любовного заговора в книге стихов И. Бродского «Новые стансы к Августе».

Опираясь на работы фольклористов (В. Топорова, А. Топоркова, В. Ф. Райана), была прослежена специфика фольклорного заговора.

Слово «заговор» включает в себя представление о речи (хотя очень многие заговоры описывают также сопутствующие действия). Другое значение слова – «тайное действие», имеет в виду «обычную многовековую связь магии и мятежа» [5, 246].

Обращаясь к осмыслению природы заговора, следует отметить, что заговоры, по замечанию В. Н. Топоркова, представляют особый «фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения» [7, 185]. Под заговорами обычно понимаются тексты, которые «призваны магически воздействовать на человека, природу или сверхъестественные силы» [8, 22]. Другой отличительной чертой заговоров является то, что «нарративное начало в заговорах сочетается с началом заклинательным» [8, 22]. При этом заговоры выделяются среди фольклорных текстов своей индивидуализированностью, что потенциально роднит их с типом лирического послания.

Характерно, что английский фольклорист В. Ф. Райан настаивает на том, что «индивидуальность заговора соотнесена с его интимностью» [5, 245]. Часто заговоры начинаются с «молитвенного обращения, адресованного лицу или объекту, который следует

заговорить» [5, 250]. Так же показательна особенность, отмеченная В. И. Харитоновой, что заговорно-заклинательное искусство предполагает «одновременное наличие вариантов возможных воздействий на объект. Заклинание может мыслиться как комплекс: ритуал+предмет+слово» [10, 34]. Так заговор предстает как особый тип фольклорного текста, нацеленный на воздействия на мир и его преобразование.

Непосредственно любовный заговор направлен на реализацию желания, связанного со сферой страстей и эротики. Творящий заговор стремится воздействовать на объект страсти при помощи магического обряда.

Следует не забывать, что «репрезентация субъекта в речевой деятельности напрямую связана с феноменом перформативности». Е. Горло определяет перформативность как «свойство высказывания или целого текста производить действие» [2, 47].

По замечанию Н. В. Барковской, «мотив словесной ворожбы» становится показателем «взаимообратимости слов и вещей, замены реального мира словесным...» [1, 476]. Подобные процессы касаются авторских трансформаций заговора в лирическом дискурсе.

Примечательно и утверждение С. А. Фокиной, что поэтическое слово, наделенное «перформативной функцией, способствует преодолению расстояния между лирическим “я” и адресатом. <...> Коммуникативная стратегия, обретая многомерность, расценивается как автокоммуникация и как обращенность к собеседнику» [9, 114].

Несомненно, что наличие перформативности роднит лирический текст с фольклорными заговорами, в особенностях с любовными заговорами. В лирике Иосифа Бродского любовный заговор трансформируется в соответствии с авторским мифом поэта. В данном контексте показательно уже само название книги стихов И. Бродского «Новые стансы к Августе». Как известно, эта книга стихов посвящена возлюбленной поэта Марине Басмановой. Избранное И. Бродским название – отсылка к Дж. Г. Байрону. Байроновские «Стансы Августе», также были созданы в своего рода изгнании и посвящены возлюбленной, в роли которой выступила его сестра. И. Бродский задает как высокую степень интертекстуального потенциала своих «стансов», так и установку на трансформации. Добавлено слово «новые» – взят новый курс на иное истолкование темы.

Правомерно говорить и о включении кодов любовного заговора в лирические послания И. Бродского, что расширяет их коммуникативный потенциал.

Известно, что заговор может осуществляться с помощью некоторых предметов, например, в стихотворении «Ниоткуда с любовью» он осуществляется с помощью зеркала. В стихотворении «Песенка» – с помощью слезы и кольца, в стихотворении «О, как мне мил кольцеобразный дым!», соответственно с помощью дыма. Более того, магические функции предметов, упомянутых в стихотворениях, усиливают перформативность слова.

Так уже название стихотворения «Песенка» наталкивает на мысль о фольклоре.

Песенка

*"Пролитую слезу
из будущего привезу,
вставлю ее в колечко.
Будешь глядеть одна,
надевай его на
безымянный, конечно".*

"Ах, у других мужья,

*перстеньки из рыжья,
серьги из перламутра.
А у меня – слеза,
жидкая бирюза,
просыхает под утро".*

*"Носи перстенок, пока
виден издалека;
потом другой подберется.
А надоест хранить,
будет что уронить
ночью на дно колодца".*

В этом стихотворении слеза и колечко, по всей вероятности являются предметами заговора. Аспекты личных отношений поэта с адресатом стихотворения – Мариной Басмановой, усиливает перформативную функцию слова. Желание воздействовать на адресат решается и на уровне символики.

Слеза может являться символом горя, искренности, счастья. Кольцо, в свою очередь, символ брака, целостности, бесконечности. Скорее всего, автор хочет показать, насколько для него важнее искренние светлые чувства, нежели у других «перстеньки из рыжья, / серьги из перламутра».

Однако заметно, что лирический герой далеко от своей возлюбленной. Действительно, автор придает особый смысл магической функции названных предметов, что усиливает перформативность слова.

Поэт говорит, чтобы его любимая носила перстенок, потому что

*«...потом другой подберется.
А надоест хранить,
будет что уронить
ночью на дно колодца».*

То есть лирический герой, по-видимому, имеет влияние на героиню. Если она захочет, то уронит кольцо в колодец, тем самым, либо каким-то образом оно откроет некий портал, либо наступит забвение (Лета, алкоголь).

Трансформации, осуществляемые автором, в то же время способствуют сохранению в игровом ключе магических потенциалов слова. Более того, стихотворения из «Новых стансов к Августе» прочно связывается с феноменом перформативности, включая при этом явные маркеры авторской иронии.

Апелляция И. Бродского к феномену перформативности позволяет в игровом плане достигать особой степени единства не возможного в жизни с коммуникантом, которому обращены лирические послания. В этом главным образом и появляется трансформация любовного заговора.

Список использованной литературы

1. Барковская Н. В. Слово-проклятие и слово-заклятие в творчестве Ф. Сологуба / Н. В. Барковская // Серебряный век: диалог культур: [сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, посвящ. памяти профессора С. П. Ильёва] / [отв. ред. Н. М. Раковская]. – Одеса : Астропринт, 2012. – С. 475–483.

2. Горло Е. А. Поэтический дискурс: перформативность, интенциональность, медийность / Е. А. Горло. – Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 336 с.
3. Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 447 с.
4. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском / В. П. Полухина. – Томск : ИД СК-С, 2009. – 416 с.
5. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / [пер. с англ. А. Чернецов] // В. Ф. Райан. – М. : НЛЮ. – 720 с.
6. Ранчин А. На пиру Мнемозины. Интертексты Иосифа Бродского / А. Ранчин. – М. : НЛЮ, 2001. – 464 с.
7. Топорков А. Л. Заговор / А. Л. Топорков // Славянская мифология: [энцикл. словарь] / [под ред. Л. М. Анисова]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
8. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста : Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 22–25.
9. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» / С. А. Фокина // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. № 130: Studia Russologica V. – Krakow : Copyright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.
10. Харитонова В. И. Заговорно-заклинательная традиция восточных славян (к проблеме бытования фольклорно-этнографического материала) / В. И. Харитонова // Этнолингвистика текста : Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 34–36.
11. Чернявская Д. С. А.С. Пушкин и И. Бродский как проблема современной литературной герменевтики / Д. С. Чернявская // Автор – твор – читач : [зб. наук. праць] / ред. кол. Є. М. Черноіваненко, Н. М. Шляхова, М. В. Пащенко. – Одеса : Астропринт, 2012. – С. 135–145.
12. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М. : Астрель, CORPUS, 2012. – 368 с.

Евгения Митева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «РЫЦАРЬ АНГЕЛОПОДОБНЫЙ» КАК ФАКТОРЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения, как к цикличности мышления поэта, так и, зачастую связанными с ней, процессами концептуализации. Цикличность и концептуализация несомненно проявлены в цветаевской лирике, обращенной к С. Эфрону, и представляются весьма привлекательными для анализа.

Цель статьи – изучение взаимосвязи процессов концептуализации и интертекстуальности в цветаевском стихотворении «Рыцарь ангелоподобный», посвященном С. Эфрону.

В 1910-е годы значительный пласт лирики М. Цветаевой адресован С. Эфрону. В этот период творчества поэтесса мифологизирует воспроизводимый образ супруга, связывая рецепцию его в своей поэтической системе с темой рыцарства. Именно феномен рыцарства